
МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО ФЕНОМЕНА

Б.И. Карипбаев., А.Р. Масалимова

Общеизвестно, что практически любой социальный феномен имеет право на существование и надежду на «долгожительство», если он укоренен в сознании субъектов, для которых он существует. Формирование в сознание адекватного образа этого феномена и предопределяет его роль и значимость в судьбе этого социума. Сознание есть тот фильтр, который отсеивает чуждое, наносное, притворное и надуманное, и в то же время есть главное условие эффективного существования социальных институтов, норм, ценностей и идеалов. Как только появлялось нечто враждебное структурам сознания, оно тут же им и «свергалось». Вся история человечества есть иллюстрация к подобному противопоставлению, низвержению. Показательной в этом смысле является судьба права в биографии человечества.

Отношения между правом и ментальностью сложны и многоаспектны. С одной стороны, ментальность как первичная форма человеческого мышления порождает правосознание и право, с другой – право также может оказывать влияние на глубинные пласты жизненного мира человека. Необходимо, чтобы уровень развития права и ментальности соответствовали друг другу, были современными. Что в таком случае понимать под современностью? Если ее анализировать лишь как сиюминутное настоящее, все новое, что приходит на смену старому, а это делается довольно часто, то, пожалуй, никто в мире не сможет угнаться за временем. Мы не сможем даже назвать предметы и, подобно Кратилу, будем вынуждены лишь показывать на них пальцем. На быстротечность времени сетовал еще ученик Кратила Платон «все уносящее время в течение своем изменяет имя и форму вещей, их естество и судьбу».

Современность – это диалог, который идет, даже если люди не замечают этого. Как носители индивидуальной культуры, они одним своим совместным существованием, в соответствии со своими представлениями о смысле жизни, оказывают влияние на общественную культуру, цивилизацию, государство и право. Человек неискушенный воспринимает окружающий его мир, свой образ мыслей как нечто само собой разумеющееся, естественное. Ментальность, сформировавшаяся в определенной социальной культуре, подталкивает человека к воспроизводству сложившихся и, казалось бы, незыблемых порядков, правил мышления, чувствования.

Ставшие привычными нормы поведения и мышления, принимаемые без осмысления, придают, до поры до времени, определенную устойчи-

---

вость культуре. Без традиций, системы привычек, определенных путей, способов действия и убеждения ни одно общество не могло бы существовать, так как именно на их основании зиждется мораль, законы, политические и правовые институты. Если доверие людей друг к другу, их смыслы и идеалы бывают по каким-либо причинам серьезно потревожены, поставлены под сомнение, то вместе с ними разрушаются и вся прежняя культура и цивилизация, включая государство, политику и право. Для обустройства стабильного существования потребуется жизнь не одного поколения. Хорошо, если оно будет основываться на признании достоинства каждого человека, тогда определенный слой ментальных традиций сформируется из экзистенциального диалога, диалога совместной жизни людей, стремящихся к смыслу, сотрудничеству, взаимодействию, взаимосоответствию, взаимопониманию, взаимопроникновению.

Практически все государства постсоветского пространства находятся в так называемом межцивилизационном периоде. На обломках старой цивилизации, которая прекратила свое существование, нарождается новая. С падением искусственно поддерживаемой идеологии прежние привычные нормы поведения и мышления теряют былую привлекательность, значимость, превращаются в набор правил, которые мало помогают сближению людей, так как лишены для них личностного смысла. Обвально изменившийся характер взглядов, целей, убеждений свидетельствует о том, что в советское время эти нормы страдали тем же недостатком. Мощная идеологическая машина явно не справлялась с поставленными перед ней задачами.

С падением аппарата принуждения большинство людей, несмотря на диаметрально противоположные взгляды и убеждения, сбросили или позволили сбросить с себя сковывающие их одежды привычных социальных связей, правил. Роль прежних традиций ослабевает, и на переднем плане оказывается не их воспроизводство, а индивидуальный поиск новых оснований цивилизации и культуры. Субъекты социума сами, по своему усмотрению вынуждены решать возникающие перед ними жизненные задачи. Одни перекладывают ответственность за свою судьбу на других, на внешние обстоятельства и вызванные ими сиюминутные потребности. В этом случае их жизнь может быть сведена или к индивидуальному, временному существованию, которое обеспечивает спокойное, бездумное растительное прозябание, или исключительно к родовому, когда человек без осмысления выполняет обязанности, возложенные на него другими, воспринимая себя «винтиком» какого-либо общественного механизма, традиции, судьбы и т.п.

Другие, активно занятые поиском смысла в происходящем, не теряя своей индивидуальности, выходят за ее пределы во внеиндивидуальные сферы, поняв их как самого себя, как свое внеличное бытие. Этим они расширяют границы индивидуальной ограниченности, тем самым, обо-

---

гащая ее, осознавая себя в качестве индивидуального бытия мира и рода, воспринимают свою жизнь как мировое и культурное действие, берут на себя ответственность за мир и человечество.

Если попытаться проанализировать современное состояние правосознания на постсоветском пространстве, то нельзя не заметить обилие разнообразных точек зрения на сущность, истоки, назначение государства и права. С падением привычной идеологии тонкий, но все-таки существовавший слой ментальных традиций, разбился, как стекло, на множество осколков, из которых складывается мозаичный портрет современного человека. Все части этого портрета находятся в движении, взаимодействии, нет еще ничего прочного, устоявшегося.

Наверное, есть смысл задуматься над тем – возможно ли при почти априорном различии субъектов социума достижение, созидание общей ментальности. Стремящиеся к совместной жизни индивиды в процессе поиска смысла, сотрудничества, взаимодействия, взаимосоответствия, взаимопонимания втягивают в свой жизненный горизонт времени друг друга, делая их общими, современными. Тогда и возникает та общность, в которой, по словам Г.Г. Гадамера, каждый остается для другого одним и тем же, ибо каждый обретает себя в другом, изменяя себя по образу другого /153, с.86/. Результат осмысленной жизни становится явлением общекультурным, так как культура создается из осмысленной жизни индивидов. Общие идеалы и ценности находят свое отображение в правилах, нормах, законах общества и государства. Поиск общего, универсального не означает, однако, стремления к унификации, агрессивной усредненности. Для успешного творения этой культуры человеку необходимо уметь быть самим собой и уметь сосуществовать с другими – признавать право другого на непохожесть, потому что только в этом случае его индивидуальность будет признана, ценить другого за то, что он «другой», необычный, отличный от него. В ходе экзистенциального диалога обществу не навязывается чуждая ему правовая система, государственное устройство, но, напротив, идеалы людей и представления каждого из них о смысле закрепляются в государственно-правовой системе. Помимо этого идеалы людей и представления о смысле, о которых мы говорим, являются, пожалуй, базисными понятиями в оценке феномена ментальности вообще, и правовой ментальности в частности.

Если попытаться дать его определение, то правовым менталитетом можно обозначить совокупную характеристику индивидуальных интенций, ценностных ориентаций, смысловых aberrаций и типов дискурса в сфере права. Это понятие необходимо постольку, поскольку в традиционном понятии правосознания не артикулирован момент векторности, тенденциозности. Кроме того, оно (правосознание), по определению, не включает в себя те нижние этажи общественной и индивидуальной пси-

---

хологии, в которых собственно и содержатся потенциалы смыслообразования. Ведь смыслы не придумываются – они рождаются. Правовой менталитет включает в себя правосознание, но в особом качестве – с точки зрения его избирательности, ориентированности, настроенности, тенденциозности, а также культурной специфики.

Разнообразные правовые понятия получают богатую смысловую развертку в структуре правового менталитета. В процессе подобного смыслопостижения система обезличенных значений «государство», «закон», «суд», «правопорядок» и т.д. наполняется субъективным человеческим содержанием. Можно даже проследить, для убедительности, как меняется смысл понятий правового характера в зависимости от изменений, произошедших в правовом менталитете. Например, совсем недавно в нашем обществе в период господства социалистической идеологии и соответствующего правового менталитета в понятие государства вкладывался субсидиарный, патронажный, распределительный смысл: «государство дало квартиру», «попроси у государства», «государство встало на защиту» и т.д. Сейчас на понятие государства «навешиваются» другие кванторы: «целостность государства», «независимость государства», «правовое государство» и т.д. Примечательно, что эти, вполне официальные, понятия вошли в быт, они переживаются людьми, входят в их повседневный оборот.

Анализ ментальных процессов настоятельно требует исследования не только рациональных, но и иррациональных оснований правосознания и правовой культуры в целом. Думается, есть необходимость остановиться на том, в какой степени испытывает правосознание на себе влияние бессознательного, несмотря на то, что оно (правосознание) является одной из наиболее рациональных форм сознания. Воздействие бессознательного на правосознание выражено в разной степени, ибо само бессознательное обладает достаточно неоднородной структурой.

Следуя теории К.Г. Юнга, можно отметить, что основными элементами бессознательного служат так называемые архетипы. К ним Юнг относит такие составляющие любого опыта, которые априорно его формируют, первобытные формы познания внешнего мира, внутренние «лекала», характеризующие объективный жизненный процесс. Согласно концепции Юнга, психика человека имеет в себе многообразные архетипы, и все эти архетипы обладают архаическим характером и также могут быть проанализированы как некий глубинный, изначальный образ, который человек воссоздает только интуитивным способом и который как результат бессознательной деятельности вырисовывается на поверхности человеческого сознания в форме многообразных видений и представлений /207/.

В связи с тем, что архетипы являются основными и наиболее устойчивыми элементами бессознательного, можно предположить, что в резуль-

тате их влияния на структуры правосознания возникают особые элементы с весьма устойчивым содержанием. Их мы условно назовем первичные модули правосознания. К ним мы относим особо устойчивые элементы правосознания, включающие в себя основные принципиальные положения, «первообразы» правосознания, представленные в рациональной форме и обеспечивающие взаимодействие бессознательного и правосознания.

Несмотря на «архетипическую» природу этих первичных модулей, надо заметить, что они обладают рядом рациональных черт. Во-первых, они формируются под непосредственным воздействием социальных факторов, во-вторых, для них характерна определенная изменчивость (недопустимость убийства соплеменника, недопустимость убийства любого человека). Данные черты первичных модулей правосознания делают их сходными с обычными активными стереотипами правосознания, однако, в отличие от них, первичные модули обладают следующими иррациональными чертами, возникающими на основе их взаимодействия с архетипами: связь с совокупным опытом предыдущих поколений, с первобытной ментальностью, обоснование рационального содержания первичного модуля с помощью иррационального содержания мифов и мифологем.

При всем при том, что природа первичного модуля правосознания очень близка сути архетипа, надо признать, что принципиальным различием между ними является рациональная представленность первичных модулей правосознания. Так, если архетип, как правило, выражен в мифе, то для первичных модулей миф – лишь одно из средств обоснования его содержания. К тому же в архетипе непосредственно присутствуют биологические черты, а первичный модуль правосознания лишь косвенно связан с ними, его содержание носит более индивидуальный характер, нежели содержание архетипа.

Правовой модуль правосознания имеет и принципиальное отличие от активного стереотипа правосознания. Прежде всего, это тесная связь первичного модуля правосознания с мифологией, что может проявляться в «живучести» традиций. Помимо этого, если активные стереотипы характеризуются поведенческой нацеленностью, определенностью, то первичные модули правосознания имеют больше мировоззренческий характер. Активные стереотипы обладают гораздо большей степенью изменчивости содержания (для их изменения порой достаточно только соответствующего решения законодателя), полным отсутствием связи с мифом.

Если попытаться схематизировать наши размышления, то можно выделить три, достаточно устойчивых, уровня. Первый уровень – это архетип, второй уровень – первичный модуль правосознания, третий уровень – активные стереотипы правосознания. Однако подобная последовательность в схеме не означает, что активные стереотипы правосознания не могут влиять на первичные модули, при стабильном изменении в структуре

активных стереотипов могут наблюдаться постепенные трансформации в системе первичных модулей. Так, например, в самой благоприятной социальной обстановке могут рождаться закоренелые преступники и, наоборот, в ситуации когда существуют неблагоприятные социальные обстоятельства, появляются личности, способные к активному и позитивному оппонированию и тем самым оказывают влияние на развитие всего общества. Конечно, необходимо признать, что социальные условия в большинстве случаев определяют содержание правосознания, однако, с той же необходимостью важно оценить и достаточную степень автономности правосознания, т.е. возможность трансформации структур правосознания через неприятие социальных условий, через активное оппонирование им.

Содержание первичных модулей правового сознания отдельных людей в достаточной степени индивидуально и во многом зависит от особенностей личности и условий ее социализации. Более того, при осуществлении специфической деятельности в правовой сфере в отношении тех элементов правовой действительности, которые наиболее важны для этой деятельности, могут формироваться индивидуальные модули. Общие черты содержания первичных модулей у представителей различных социальных общностей предопределяются принадлежностью архетипов к сфере коллективного бессознательного.

В советском научном пространстве вопрос о воздействии бессознательного на правосознание специально не рассматривался, что во многом связано с господствовавшими в советской психологии концепциями. Тем не менее, ряд ученых осуществили попытку исследовать основные, наиболее устойчивые образования общественного правосознания. Так, были исследованы такие первичные правовые модули как равенство, законность, справедливость, позитивная ответственность. Думается, что этими феноменами не исчерпывается число первичных модулей правосознания. Но сама попытка структурировать наши представления об этих модулях, на наш взгляд, достаточна перспективна.

Необходимо признать, что содержание первичных модулей правосознания не всегда совпадает с содержанием соответствующих правовых предписаний, а нередко и противоречит им. Примером такого положения может служить такой модуль правосознания (свойственный практически всему постсоветскому пространству), как недоверие к закону. Хаотичность законотворчества в первый период эйфории от полученной независимости способствовала утверждению этого модуля в сознании людей. Для разрушения подобного модуля потребуется действующее в течение длительного времени стабильное законодательство, наличие эффективной правоохранительной системы и соответствующая воспитательно-пропагандистская работа. Очевидно, что в большинстве случаев проще учи-

---

тывать содержание первичных модулей правосознания при организации должного правового регулирования, чем пытаться разрушить какой-либо из них. Устойчивость первичных модулей правосознания не позволяет избавиться от них какими-либо искусственными, надуманными мерами, эти попытки, как правило, обречены на провал.

Каким критериям должны отвечать правовые представления, что бы быть признанными первичными модулями-символами правосознания? Прежде всего, это длительность существования. Понятно, что этот критерий носит несколько субъективный характер, ибо указать срок этой длительности не представляется возможным. В каждом конкретном случае этот срок разный. Время существования первичного модуля зависит от множества обстоятельств и иногда исчисляется тысячелетиями, как в случае с первичным модулем о недопустимости убийства. Второй критерий – это необходимая связь с коллективным бессознательным. Эта связь определяется тем, что первичные модули правосознания формируются в отношении тех феноменов правовой действительности, которые существуют длительное время и играют в ней системообразующую роль. Причинно она проявляется в обосновании содержания первичных модулей при помощи мифов. Как правило, первичные модули правосознания обнаруживаются в правовых традициях и условностях, сопутствующих им, в некоторых ритуалах, связанных с осуществлением правовых процедур.

Реализация первичных модулей вызывает у участников правоотношений комплексы особых общепринятых, традиционных и соответствующих определенным условностям поведенческих действий, порой носящих иррациональный характер. Эти условности поведенческих действий можно обозначить как ритуальное обрамление правового поведения. Обнаруживаясь в ритуальном обрамлении – ритуальных клише поведения, первичные модули правосознания выполняют определенные функциональные обязанности. Прежде всего – это обеспечение единства индивидуального, группового и общественного правосознания посредством достижения общности коллективного бессознательного и усвоения общих для данной социальной группы мифов. Далее, обеспечение устойчивости и преемственности правосознания. В данном случае под устойчивостью и преемственностью следует понимать стабильность части его содержания и трансляцию этого содержания посредством воспитания и передачи традиций следующему поколению. И последняя функция – это обеспечение деятельности социального индивида (человека, группы, общества в целом) в условиях недостаточности правовой информации. Даже не обладая полнотой информации о содержании большинства правовых предписаний, социальный индивид может, с определенной степенью вероятности, избежать совершения антиправового акта, действуя лишь на осно-

---

ве содержания первичного модуля правосознания и в рамках ритуального клише поведения. Иллюстрацией в данном случае могут служить статьи уголовного закона о краже и грабеже. Если представить ситуацию, когда человек не знает об ответственности за кражу и грабеж, но руководствуется первичными модулями справедливости, законности (принципом «не укради») и соответствующими ритуальными клише поведения, то он воздержится от подобных противозаконных поступков.

На данном этапе нашего – пусть несколько фрагментарного – исследования природы правовой ментальности, правосознания, думается необходимо приступить к более широким обобщениям, связанным с анализом правосознания как социокультурного явления. Подобная необходимость определяется рядом важнейших концептуальных положений. Во-первых, общеизвестно, что любое общество, вышедшее из первичных форм организации, имеющее более или менее усложненную, по сравнению с архаическими образованиями, структуру, вырабатывает систему запретов и принуждений, отличных от традиционных морально-этических норм. Другими словами, общество на определенной стадии вынуждено формировать правовую систему. Во-вторых, являясь неизбежным атрибутом любого, вышедшего из архаических состояний общества, право обнаруживает определенную вариативность.

Кроме части национальных особенностей в развитии права наблюдаются две тенденции – формально-универсалистская и традиционалистская. Каждая из этих тенденций в праве опирается на определенные социокультурные предпосылки, на соответствующую антропологию. Традиционная правовая система является выражением социокультурной системы, где господствуют конкретно-локалистские образцы, где не имеет места массовая укорененность универсальных абстракций, где политические и религиозно-идеологические институты имеют господствующее положение. В таких обществах очень велика роль обычая, традиции, ритуала.

Морально-этическая система, как правило, имеет ярко выраженный риторический запретительный характер. Статус права в таких обществах несравненно более низок, чем в современных индустриальных странах. Неприятие права, особенно правовых новаций, противопоставление обычая специальным юридическим установлениям – довольно распространенное явление в обществах традиционного и переходного типа.

Несмотря на все особенности каждой отдельной страны, в целом для всех доиндустриальных обществ характерна ситуация со слабой автономией, выделенностью права. Право встроено в систему морально-политических, религиозно-идеологических отношений. И в этой системе оно, как правило, имеет подчиненный статус.

Право как социокультурное явление, безусловно, опирается на определенное правосознание. Правосознание, кроме чисто юридических импли-

каций, имеет и более широкие логические основания. Это, прежде всего, понятия и представления, которые позволяют или не позволяют выработать, формулировать, конкретизировать определенного уровня абстракции. Так, например, современное правосознание возможно, если в социуме, в культуре укоренены, массово представлены абстракции такого масштаба как «человек», «государство», «нация», «право». При этом эти абстракции должны быть сформулированы в их предельных вариантах и не отождествляться с конкретно-локальными проявлениями данных феноменов.

Традиционная ментальность, в противоположность данному положению, основана на локалистских, конкретно-групповых и исторических отождествлениях. Именно конкретно-локалистская начинка традиционной жизни не позволяет закрепиться в традиционной ментальности социокультурным абстракциям предельности, универсального характера. При этом, как известно, традиционалистская культура и социальное бытие предельно формализованы.

Интернализация базовых ценностей и представлений обеспечивается процессом социализации, прежде всего, первичной социализацией. В свою очередь социализация зависит от соотношения норм, ценностей и символов общества. В ситуации, когда правовые нормы не интегрированы в господствующую традицию, ожидать их эффективной и массовой интернализации было бы наивно. В такой ситуации мы получаем инструментальное и неизбежно поверхностное отношение к праву.

Правовые представления, и, самое важное, правовые установки не вырастают органично из социокультурной среды, а являются как бы искусственно привнесенными. В результате, как бы отдельные индивиды или целые группы не стремились к целерациональным правовым усилиям, их эффективность не может быть массово высокой. Другими словами, право не является просто техническим средством, позволяющим механически регулировать общественные отношения. Право должно вырастать из всей совокупности социокультурных отношений, обратно влияя на них. Только тогда оно обретет свою конкретную определенность, уместность, позволяющую правовой системе быть эффективной, или, по крайней мере, одним из органичных элементов социокультурных норм, а не внешним механизмом принуждения.

В современных условиях общество утратило или очень сильно девальвировало многие ценности и нормы, которые ранее более эффективно регулировали социальное взаимодействие индивидов и групп. Отсутствие должного уровня моральной организованности общества создает негативную предпосылку в отношении правовой организации социальной жизни. Право в условиях массовой аномии оказывается чисто внешним принуждением. Оно превращается в систему норм и регулятивных принципов, основанных на принуждении и страхе за их несоблюдение. Естественно,

---

что внешнее принуждение не может сравниться по своей эффективности с интернализированными ценностями и нормами.

Общую социокультурную дезорганизацию дополняют ослабление традиционно сильного внешнего политического принуждения, являющегося одним из стержней социокультурного порядка. И, наконец, крайне неблагоприятная экономическая ситуация, сопровождающаяся резким перепадом в уровне доходов различных групп. При массовой популярности гедонистических принципов и ценностей, а также невозможности их реализовать так, как это тиражируется через массовую культуру, порождаются установки на достижение гедонистских целей, стандартов успеха через нелегальные каналы. В таких условиях право может восприниматься как внешний репрессивный институт.

Таким образом, право, «рассчитывающее» на увеличение своего регулятивного потенциала, должно не только опираться на первичные модели правосознания, но и в определенном смысле формировать их. А для того, чтобы это получилось, необходимо определить правовые, ценностные приоритеты.

1 Гадамер Г. О круге понимания // Актуальность прекрасного.- М.: Искусство, 1991. с.72-91

2 Юнг К.Г. Архетип и символ.-М.: Ренессанс, 1991. 297 с.

Карипбаев Б.И., Масалимова А.Р.

Құқықтық феноменнің ментальдік негіздері

Бұл мақалада құқық пен ментальдік арасындағы күрделі «қарым-қатынастар» қарастырылады. Автор аталмыш қарым-қатынастарды екі позиция тұрғысынан қарастырады: а) ментальдік адам ойлау жүйесінің алғашқы формасы ретінде құқықтық сана мен құқықты туындатады, б) құқық та адам өмірінің терең негіздеріне ықпалын тигізуі мүмкін. Зерттеу жұмысында автор «құқықтық менталитет» түсінігін қолданады.

Karipbaev B.I., Masalimova A.R.

Mental Bases of Juridical Phenomenon

In given article complex «interrelation» between right and mentality are considered. Author considers these relations from two points of view: a) mentality as first form of human thinking generates legal consciousness and right, b) legal also can influence deep levels of human life. In research work author uses the notion «legal mentality»